

ЛЕВ КИЧИГИН
заслуженный геолог ЯАССР

ГЕОЛОГ — ЛЕГЕНДА XX ВЕКА

Очерки и стихи о геологах

*Лучше друга нигде не найти мне.
Мы геологи оба с тобой.
Мы и в жизни умели руду золотую
Отличать от породы пустой.*

Популярная песня

Вряд ли существовала другая страна, где геологи были так популярны, как в СССР. Огромная по территории, промышленная, научная, культурная держава уважала геологов. В стране имелись тысячи замечательных профессий, и все же геологи были на виду, не где-то “в верхах”, а, как говорится, в широких кругах населения, в народе. К тому же геологи, при своей немногочисленности, трудились почти везде. Они ведь первопроходцы, исследователи территорий и земных глубин, а потом дна морей и океанов. Примерно так же в первой половине XX столетия восхищались полярниками, открывавшими тайны Арктики и Антарктиды. Старшее поколение еще помнит, что о геологах сочиняли стихи, распевали песни. Сами геологи не были чужды стихотворчеству, любили застольное пение. Геологи считались умными, смелыми личностями, надежными друзьями. Сама трудовая деятельность, нередко в отдаленных, безлюдных местах, воспитывала в геологах дух коллективизма, товарищества.

Дружба сохранялась на долгие годы. Неудивительно, что при своей немногочисленности в большой стране геологи чувствовали себя единым профессиональным сообществом, знали друг о друге. Профессионально советские геологи были готовы работать где угодно не только в своей стране, но и в любом другом месте на земле, во всем мире. Они и работали везде — в Африке, в Азии, в Южной Америке. Если бы СССР не исчез, то первым на Марсе был бы, конечно, геолог.

Образ геолога XX века, конечно, собирательный: не только собственно геологоразведчики, но и другие родственные специальности — геофизики, топографы, маркшейдеры, а то и просто бывалые таежные трудяги, маршрутные рабочие, проходчики канав.

Романтика романтикой, а работа геолога — это, прежде всего неустанный труд без удобств и комфорта. Сам о себе заботься, сам себя береги, отвечай

КИЧИГИН Лев Николаевич родился в 1939 году в селе Охотский Перевоз Якутской АССР. Окончил Якутский государственный университет. Кандидат геолого-минералогических наук, заслуженный геолог ЯАССР. Ныне живёт в Ростове-на-Дону.

за себя и за других и за дело, которое тебе поручено. Как профессионал, геолог складывается долго. Только по книжкам, учебникам не научишься. Объект исследования – земные недра – многосложен, требуется большой практический опыт, пока станешь понимать, что есть руда, а что – пустая порода. Но советское геологическое образование, включая студенческие практики, было лучшим в мире. Оно готовило специалистов, кадры для решения любых задач по развитию минерально-сырьевой базы страны. Легенда геологии в XX веке не только симпатичный образ разведчика, исследователя земных недр. Главная легенда той эпохи в открытиях огромного количества месторождений полезных ископаемых. Немало среди них уникальных по размерам и геологическому статусу (нефть-газ, уран, цветные металлы, алмазы и другие). Это были великолепные результаты работы выдающейся плеяды геологов.

Опыт создания минерально-сырьевой базы в СССР уникален. Впервые в истории создание и развитие базы минеральных ресурсов стало государственной задачей, делом особой важности. Стало самостоятельной отраслью промышленности, обеспечивающей многообразные потребности экономики страны. Из вспомогательного ранее цеха горнодобывающей промышленности разведка полезных ископаемых превратилась в индустриальное производство по изучению, освоению земных недр. Это распространилось на всю страну и привело к потрясающим достижениям, открытиям. Мы узнали, какими неслыханными богатствами земных недр обладает наша держава. Естественно, такое не могло произойти без геологов, без массовой подготовки кадров для геологоразведки. За этим дело не стало.

Геолог – исторически молодая профессия. Издревле были рудознатцы, практики поисков меди, золота, драгоценных камней. Это было искусством одиночек. Разработка месторождений металлов (меди, железа, олова, свинца и других) сформировала профессию горного инженера, обладавшего определенными знаниями о строении земных недр, горных породах, составе и строении рудных месторождений, россыпей золота. Еще и в XIX веке геологические наблюдения и обобщения были частью горного дела, краеведения, географических исследований (натуралисты). Геологией занимались профессора европейских и российских университетов. В 1882 г. в Петербурге создан Императорский Геологический Комитет (Геолком) для организации геологических исследований по единому плану на всей территории страны, в первую очередь Европейской части. При Геолкоме основаны библиотека и минералогический музей. Каждый “член Геолкома” имел огромный рабочий кабинет со значительным штатом помощников. Все это в роскошном здании на Васильевском острове, где ныне размещается ВСЕГЕИ.

Первая геологическая карта Европейской России (главный редактор А. П. Карпинский) масштаба 60 верст в одном дюйме появилась в 1893 г. Под руководством Ф. Н. Чернышева (1893) и Л. И. Лутугина (1897) закартирован Донецкий угленосный бассейн. Определяющее значение для изучения геологического строения России имели исследования Урала А. П. Карпинским, Сибири – В. А. Обручевым и В. Н. Зверевым, Азии – В. И. Мушкетовым, Тимана и Новой Земли – Ф. Н. Чернышевым и другими членами Геолкома. Правопреемником Геолкома стал Советский Геолком, впоследствии ВСЕГЕИ.

Геологические исследования Якутии начаты членом Геолкома В. Н. Зверевым, сделавшим описание геологического строения и полезных ископаемых в бассейнах рек Алдан, Мая, Вилюй (1913–16, 1926). Геологам Южной Якутии хорошо знакома его классическая работа “Материалы для характеристики Томмотского золотоносного района” (1931). Его последователями стали Ю. А. Билибин с соратниками (В. И. Серухов, В. М. Шумилов и другие). Возникла алданская геологическая школа. Перейдя на Колыму, Ю. А. Билибин основал колымский геологический коллектив (Дальстрой). В других регионах СССР проходили аналогичные процессы. В стране стала формироваться профессиональная геологическая государственная служба.

Геолога-профессионала, специалиста по геологическому картированию, поискам, разведке, подсчету запасов полезных ископаемых, подготовке месторождений к промышленному освоению родил XX век. Массовой профессией геологоразведка стала в СССР в ходе индустриализации народного хозяйства. Стране потребовалась минерально-сырьевая база, способная удовлетворить все нужды промышленности и сельского хозяйства. Рассчитывать на чью-то помощь извне было невозможно. Надо опираться на собственные

силы. Создана соответствующая организационная структура (министерства, территориальные управления, геологические экспедиции), поставлены задачи, выделены деньги. Тысячи и тысячи молодых, талантливых людей стали геологами.

И все произошло как задумано, все получилось. При этом увидели (не вдруг и не сразу), что создание минерально-сырьевой базы нашей огромной страны не есть только число открытых месторождений, количество тонн, кубометров разного вида минерального сырья, не только миллионы квадратных километров геологически изученных площадей (точнее, всей страны). Великая цель призвала и выдвинула несколько поколений героев, исследователей природных богатств своего Отечества: инженеров, ученых, интеллектуалов, поэтов, романтиков. Впервые в истории геологи стали героями общества.

В конце прошлого столетия – в начале нынешнего, одним словом, на рубеже веков, при поддержке Российского геологического общества и Министерства природных ресурсов РФ издано 25 томов очерков и стихов под общим названием “Геология – жизнь моя” (главные редакторы В. П. Орлов, В. Ф. Рогов). Как сообщается в аннотациях, очерки написаны ветеранами геологической службы России, хотя точности ради можно добавить, что авторы очерков – это ветераны советской геологической службы. Очерки рассказывают о событиях советского прошлого, в некоторых случаях более чем полувековой давности, воспринимаемого ныне как глубокая история.

Особняком стоят два объемистых сборника стихов самодеятельных поэтов-геологов (составитель В. И. Власюк). Они имеют свое название – “Негаснущий костер”. В поэтические сборники вошли стихи около трехсот авторов. Это только часть обширного поэтического творчества геологов.

Возможно, не все бывшие и действующие работники отрасли знакомы с упомянутыми книгами. Но те, кто читал или хотя бы полистал очерки и стихи, согласятся, что многотомный труд удался и заслуживает высокой оценки. Очерки написаны известными профессионалами, ведущими специалистами и организаторами производства – в общем, людьми, которым есть что сказать в своих воспоминаниях. Авторы очерков трудились в самых разных регионах Советского Союза. По прочтении книг перед глазами мысленно встает грандиозная панорама геологоразведочных работ на территории СССР и даже за рубежом. Около 100 авторов написали свои очерки, с разных точек зрения освещая минувшие события. Объединяет их, кроме тематики, оптимистический тон повествования. Обо всем рассказывается без уныния и разочарования, без сползания в “разоблачительный” пафос. Каждый отдельный очерк не всем может быть интересен, но, сведенные вместе, они дают яркую картину “золотого века” геологии, как выразился в предисловии Президент Российского геологического общества Виктор Орлов.

Можно назвать это “эхом” ушедшего времени, можно считать коллективным отчетом о проделанном и прожитом. То же самое относится к стихам поэтов-геологов. Они такие же свидетельства эпохи, как и мемуарные очерки. Это не история создания минерально-сырьевой базы страны. На то есть другие труды. На мой взгляд, очерки и стихи, собранные под названием “Геология – жизнь моя”, являются непридуманным рассказом о жизни, судьбах нескольких поколений советских геологов, о том, что это были за люди, какие ставили перед собой цели, как их достигали, чем жили... В древние века такие повествования называли сагами.

Будет безнадежной затеей в кратком обзоре охарактеризовать изложенное в двадцати пяти толстых книгах. Возможно, найдется среди нашей братии усердный рецензент, который возьмется за такой труд, Бог ему в помощь. Саги о жизни, прожитой в геологии, дают повод задуматься, какова личность советского геолога, кем он был, чем интересен. В СССР было много других хороших и важных профессий.

Как выразился бывший министр геологии СССР Е. А. Козловский: “... Минеральные ресурсы создает природа, а выявляют их, готовят к использованию в народном хозяйстве люди” (БАМ глазами геолога, 1986). В советском обществе геологи были на виду. Достаточно напомнить, что День геолога в апреле каждого года широко отмечался в стране. Нечего и говорить, что в Якутии, на Северо-Востоке и в других отдаленных регионах, где роль геологов весьма существенна, День геолога отмечался как праздник для всех. Во всех кругах общества профессия геолога не только уважалась. Носители ее

почитались за особую касту специалистов, приобщенных к тайнам земных недр, недоступных непосвященным. Если, например, в медицине, в искусстве каждый волен считать себя знатоком, то мало кто отважится, не имея специальных знаний, судить о земных глубинах. Немалое значение имел ореол романтики, окружающей нашу профессию. В силу таковых особенностей, геолог считался человеком интересным, “умным”, порядочным и т. п.

Геологическая деятельность в СССР, до того бывшая лишь научным занятием, стала геологической индустрией государственного масштаба. Ее функционированию присущи: а) территориальный охват всей страны через территориально-производственные структуры; б) полный цикл геологоразведочного производства от научного прогноза до разведки и подсчета запасов промышленных категорий; в) поиски и разведка всех полезных ископаемых, имеющих народнохозяйственное или оборонное значение, для сырьевого самообеспечения страны.

Такой подход привел к огромному объему и индустриализации геологоразведочных работ. Геология превратилась в промышленную отрасль, которой потребовался соответствующий работник: специалист с разносторонним образованием, обладающий глубокими геологическими знаниями, знакомый с техникой и технологией разведки, с бурением, горным делом. Вместо эксперта по тем или иным вопросам появился универсальный горный инженер-геолог, пригодный для работы в любом регионе, на разных стадиях производства. Кроме основных дисциплин, геолог изучает в вузе математику, физику, химию, философию и другие дисциплины. Геологическая профессия стала достаточно массовой. Вместо эксперта-одиночки, вроде члена Российского Императорского Геолкома, появились коллективы профессионалов. Очень важно, что благодаря Геолкому (позднее это ЦНИГРИ, ВСЕГЕИ), Горному институту, Томскому и другим старым российским вузам, советская геологоразведка изначально росла в рамках научного подхода к изучению земных недр. Она целиком восприняла и продолжила традиции российской геологической науки.

Геологические знания первым советским геологам давали ученые дореволюционной формации: А. Н. Заварицкий, В. И. Вернадский, А. К. Болдырев, В. А. Обручев, Д. В. Наливкин и другие питерские и московские ученые. Они стали наставниками яркой плеяды геологов: Ю. А. Билибина, Д. С. Коржинского, Д. В. Вознесенского, В. И. Серпухова, П. М. Шумилова. В. А. Царградского и других знаменитых фигур советской геологии.

Стоит отметить, что первые учителя советских геологов писали блестящим русским языком, что не могло не передаться их ученикам. И как ни смешно теперь говорить о влиянии марксизма на геологическую науку, но не без влияния марксистской философии, вдалбливавшейся в наши головы, мы истово исповедовали принцип системности в исследовании земных недр. Это принесло свои плоды. Советский геолог был инженером и ученым одновременно. Его работа требовала творчества и познавательного устремления. Объект исследования – земные недра – не допускает шаблонного подхода. Каждому геологу известно, что месторождения полезных ископаемых не бывают идентичны. На каждом месторождении геолог сталкивается с ранее неизвестными явлениями и должен не только их увидеть, но и дать убедительное объяснение. Аналогичные задачи стоят во всей геологической работе, будь то изучение осадочных толщ, магматических комплексов или тектонических процессов. Геолог “привыкает” к творчеству, раскрывает свои способности, которые могли бы оставаться втуне, избери он другой жизненный путь. У немало числа из нас творчество становилось второй натурой и распространялось не только на профессиональную деятельность.

В творческом поиске геолог обращается к специальной литературе, изучает опыт других исследователей, общается с коллегами. Очень верно заметил об этом Президент Российского геологического общества В. П. Орлов: “Своеобразие... образа жизни и характера труда людей геологических профессий – основной источник творческого, в том числе поэтического, начала”.

На волне колоссальной по объему и новизне геологической информации стремительно росла теоретическая наука. Она развивалась в вузах, в отраслевых и академических институтах. В советской геологии не было особых перегородок между производством и наукой. Информация, идеи, кадры сво-

бодно перетекали между ними. Это поддерживало высокий интеллектуальный уровень в производственных организациях. Нормой был большой удельный вес работников с высшим и средним специальным образованием. Ценилась преданность профессии, увлеченность своим делом. Геологи были начитаны, почти поголовно имели опыт жизни или хотя бы учебы в столицах и больших городах и, соответственно, знакомство с культурными ценностями. Они, по общему признанию, составляли “высоколобую” часть технической интеллигенции. Люди мыслящие, геологи осознавали свою роль в делах страны, гордились не только своими открытиями, но и успехами своих коллег в других регионах. Прочитывая стихи геологов, натываешься на строки:

*Живи в делах, земное братство,
Весь мир объяввшее умом.
(Ю. Баталин)*

Геологи отождествляли себя со страной:

*Есть у геологов страна...
Садись тесней,
Налей полней —
Давай поговорим о ней!
(В. Дмитриевский)*

Осознание принадлежности к “всесоюзному” геологическому братству было характерной чертой профессии. Мы учились по одним и тем же учебникам, работали по общим для Мингео инструкциям, говорили и писали на одном профессиональном языке. Наш профессиональный сленг, с его изощренной терминологией и чудовищными канцелярско-бюрократическими языковыми оборотами, понятен геологу из Якутии, с Тянь-Шаня, Кавказа и даже из Прибалтики.

Много геологических стихов посвящено прославлению трудовых и профессиональных достижений, описанию полевого труда и быта. Не чужды геологу размышления о космизме души:

*Послушай музыку Вселенной
в глубинах собственной души.
Ее мотив, святой, нетленный,
запомнить сердцем поспеши.
(Н. Шило)*

В свете сказанного неудивительно, что немало нашего брата, геологов и геофизиков, если не уходило в науку, то искали себя в литературном занятии, иногда в живописи. Было увлечение коллекционированием: филателисты, фалеристы, не говоря о повальном советском “книжном сумасшествии”, когда за книгами и книжными подписками стояли, как за колбасой. Не только приобретали книги, но и читали запоем.

Письменное творчество близко геологу. Дело не в особом складе души, как иногда можно услышать. Геолог всю жизнь пишет, в поле и на камералке. Продуктом его труда обычно является отчет о результатах работ. Когда-то, в довоенный период, отчет был тоненькой, плохо оформленной книжицей с примитивными рукодельными графическими приложениями. В 70–80-е годы отчеты превратились в многотомные произведения с множеством прекрасно исполненных карт. Эти творения стоили большого труда и творческого напряжения. Приходилось изрядно попотеть, излагая свои мысли и соображения. Есть люди, от природы способные гладко писать. Большинству из нас приходится учиться. После второго-третьего отчета даже тугодум худо-бедно овладевает изложением материала, набивает руку. Автор на личном опыте, на примере коллег убеждался в справедливости слов, что “терпение и труд — все перетрут”. После нескольких отчетов геолог начинает видеть в себе корифея слова и морально готов заняться литературной прозой, а то и стихами. Это не считая тех, кто от природы склонен к литературному занятию. Грубо говоря, в геологической среде количество “ходовиков” в литературу удваивается. На фоне других “технарей” геологи просто блещут литературными

талантами. Очередным примером служат 25 томов, о которых шла речь в начале очерка.

В отличие от поэтов, прозаиков среди геологов немного. Известные имена Олега Куваева (роман “Территория”), Григория Федосеева (“Смерть меня подождет”, “В хребтах Дугджур” и другие таежно-приключенческие произведения), Юрия Сергеева (“Становой хребет”) принадлежат не геологам по специальности. Одна из причин, видимо, кроется в укоренении геологов в своем профессиональном языке, далеко от языка А. Н. Заварицкого, В. А. Обручева, В. И. Вернадского.

Но в мою задачу не входит оценка литературных достоинств творений геологов. Я лишь хочу подчеркнуть, что творчество в разном его проявлении было характерно для геологов. Причина не только в умении работать за письменным столом. Многое объясняется общественной атмосферой “золотого века” геологии. Здесь необходимо небольшое отступление, помогающее понять истоки и особенности самодетельной геологической поэзии.

Стихотворчество в геологической среде расцвело в 60–70-е годы. Вряд ли надо пояснять, что это было за время в жизни советского общества. В геологии оно совпало с подъемом геологоразведочных работ, формированием крупных геологических коллективов. Именно в таких коллективах – геологических “общинах” возникла почва для стихотворчества. Его вдохновляла романтика полевой геологии. Ее голосом стала народившаяся бардовская песня. В кратком очерке невозможно объять эту тему. Мне поневоле придется ограничиться примерами Якутии, благо поэтические всходы были там обильными. Судя по сборникам “Негаснувший костер”, в других регионах было то же самое. В 50–60-е годы организованы крупные, преимущественно молодежные экспедиции в Южной Якутии (Чульман, Алдан), в Западной Якутии (Нюрба), в Восточной Якутии (Батагай, Усть-Нера, Хандыга). Это были геологические “общины”, вобравшие народ с разных градусов и весей страны. В каждой из геологоразведочных экспедиций – “общин” ПГО “Якутскгеология” работало до двух тысяч и более человек, и примерно четверть из них – это геологи, геофизики и другие инженерно-технические работники. Внутри таких коллективов не могла не кипеть, по указке свыше и без оной, общественная работа, художественная самодетельность, спортивные страсти, книголюбие. Телевидения еще не было. Возвращение геологов с полевых работ приносило массу впечатлений и эмоциональный заряд. В Якутию пришли магнитофонные голоса бардов: Визбора, Городницкого, Кукина... Образ жизни был, можно сказать, походно-полевой. Об оседлости не думали, быт не был устроен, о нем мало заботились. Между жизнью “в поле” и дома было мало разницы, и нравы “таежной демократии” пропитывали все бытие геологических анклавов. “Поле” всех уравнивает: начальников и подчиненных, инженеров и рабочих. Все в одинаковых спецовках и кирзовых сапогах, спят в одних палатках, едят из одного котла, делят последнюю папиросу-беломорину. Все у одного костра, песни общие, гитара звучит для всех. Это и называется романтикой. Все это в единении с природой, которая тоже одна на всех, которая является почти домом. И после поля праздники встречаются сообща, все соседи – сослуживцы, дети ходят в один детсад, в одну школу. Жены-мужья если не геологи, то врачи и учителя.

В такой обстановке духовные силы раскрепощаются, жаждут созидательной работы. Сочиняются стихи, пьесы, ставятся спектакли. Самодетельные барды воспевают этот образ жизни, в котором есть какая-то “свобода духа”. Запах этой свободы притягивал к геологам людей, уставших от жизни в больших городах, взыскующих “воли”, поисков обетованных “Беловодья”, “Синегорья”. Они-то, в основном, и сочинили:

*Снятся людям иногда
голубые города,
у которых названия нет.
(Л. Куклин)*

*А я еду, а я еду за мечтами,
за туманом и за запахом тайги.
(Ю. Кукин)*
Люди идут по свету,

*им вроде немного надо —
была бы прочна палатка,
да был бы не скучен путь!*
(И. Сидоров)

*Какая радость, что меня
опять услали в эти дали!
Мои костры хотят огня,
Леса таинственнее стали.*
(Г. Горбовский)

Довольно популярна тема “робинзонства”:

*Сырая тяжесть сапога,
роса на карабине.
Кругом тайга, одна тайга
И мы — посередине.*
(И. Жданов)

*...Мне пришлось по тайге
В одиночку скитаться.
Мне немало пришлось
Разводить одиноких костров.*
(Ю. Ливеровский)

Поэтическая тематика у геологов обширна. Им не чуждо воспевание труда и отдыха, природы, земных глубин, тайн мироздания. Ни один юбилей не обошелся без стихотворных од и поэм. И только геологу мог придти в голову поэтический образ буровой скважины, как бутылки дорогого вина:

*Добурав до нужной глубины,
изучают поднятые пробы...
...И закроют пробкой на года,
как бутылку винную пометив.*
(А. Грабовский)

Замечательные таланты трудились в геологии в прошлом веке. Задумываешься, отвечая на вопрос, кем он был — геолог советской формации? Инженером, слагающим стихи об отважных походах в неизведанные места? Ученым, мечтающим о “голубых городах” будущего? Может быть, интеллигентом в полевой “робе” с рюкзаком за плечами? Поэтом, размышляющим о тайнах земных недр?

А может, он — герой советского времени, призванный к трудовым подвигам суровой эпохой, исполнивший свой долг и теперь ставший просто легендой?

Уже не скажешь сегодня, что геологи пишут стихи о своем благородном труде, о романтике геологических маршрутов, палаток, спальных мешков. Геологических песен не слышно. Барды больше не доказывают, что “лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал”. Государство, в свою очередь, все меньше интересуется устройством земных недр (исключая нефть и газ), перестало обращать внимание на геологов. По телевидению не показывают, кино не снимают, как раньше было. Сегодня другие герои, а главное — сегодня другие идеалы.

В 90-е мне пришлось работать над совместными проектами освоения месторождений (в Якутии) с европейскими геологами, а также с канадцами и австралийцами. С некоторыми я подружился, мы общались не только по работе. Иностранцы не без труда вникали в особенности нашего геологоразведочного производства, прежде всего с документальной его стороны. Наш документооборот, отчетность, инструкции для них как китайская грамота. У них проще. Научность их мало интересовала. Наш замечательный марсианский геологический язык с его изощренной терминологией порой не мог переводиться на английский. Наша служебная вертикаль, восходящая к разным

госорганам, не была им понятна. В свою очередь, иностранцы объясняли, что европейские геологи выполняют у себя дома, в своих фирмах узкопрофессиональные, чисто технические функции. Их не озадачивают стратегическими задачами развития МСБ, не обязывают руководствоваться государственными интересами. Государство же не переживает за судьбу геологии и геологов, не ждет от них стихов, песен, общественной активности. Ничего похожего на “советского геолога” не было и нет ни в Европе, ни в Канаде. Мы и они – это разные миры.

Сам собой возникает вопрос: какой же станет фигура российского геолога XXI века?

Хороший, как говорится, вопрос, если знать, к кому следует с ним обратиться. Одно ясно: романтиком он уже не станет. В своем современном преобразовании геологическая отрасль, геологическая служба прошли “точку невозврата”. Геолога советского образца природа дважды не производит. Нынешняя траектория развития геологической отрасли, а также геологических наук в России, не имеет однозначного вектора. Приоритеты не определены. Геолог не может, подобно барону Мюнхгаузену, вытащить сам себя за волосы из болота.

Впрочем, не одни только геологи задают вопросы о своем будущем. Так же гадают учителя, врачи, ученые, другие уважаемые люди. Они тоже вопрошают без ответа, в пустоту. А может быть, нам лучше сначала задать главный вопрос: какое будущее мы хотим для России? Какое общество мы строим, какую экономику, промышленность? Если мы сумеем найти ответ на исторический вызов, обозначившийся перед нами в XXI веке, то у нас в руках появится компас, указующий верное направление цивилизационного маршрута. Тогда все состоится: геология, здравоохранение, образование и другое.

В заключение скажем следующее. Повествование о геологе не есть только занимательный исторический экскурс о делах минувших дней. Советский опыт геологоразведочных работ должен быть глубоко осмыслен. Без его итогов, уроков не обойтись, как бы кто ни хотел отринуть все “советское”. Последнее было бы глупостью, за которую страна заплатит оскудением добра, на котором сидит. Нельзя утратить системный подход к разведке земных недр, выработанный в СССР. Нельзя растратить инженерный потенциал, созданный в советское время. Советский инженер-геолог был лучшим в мире по профессиональной квалификации, умению работать. Кадровый состав геологической службы СССР соответствовал огромной территориальной и природной проблематике работ. Такой другой страны в мире нет, она уникальна по своим размерам, сложности в управлении земными недрами. Этот опыт должен послужить стране и в будущем.